

Цифровой перевод юридического дискурса: к проблеме поиска факторов вариативности

А. Г. Дерябин

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: artemdin7@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению вариантов переводов законодательного дискурса, осуществленных цифровыми переводчиками. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением искусственного интеллекта в деятельность переводчика и правоприменительную практику, а также противоречием между множественностью переводных вариантов, которые порождают цифровые переводчики, и требованием однозначности юридического смысла. Цель исследования – выявить факторы, влияющие на вариативность вторичных текстов при переводе юридически маркированных единиц. Материалом исследования послужили фрагменты статьи 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Предметом исследования являются выполненные программами искусственного интеллекта DeepSeek и ChatGPT переводы, а также используемые в переводных текстах вариативные языковые единицы и синтаксические конструкции и детерминирующие этот феномен факторы. В результате исследования установлено, что вариативность переводов, выполненных программами искусственного интеллекта (цифровыми переводчиками), обусловлена совокупным воздействием алгоритмических, синтаксических, лексико-терминологических и культурно-правовых факторов. Выявлено, что программы искусственного интеллекта используют различные переводческие стратегии. ChatGPT адаптирует исходный текст к англоязычному законодательному дискурсу, используя приемы экспликации, терминологической нормализации и синтаксической перестройки. DeepSeek ориентируется на буквально-структурный подход при переводе, который сохраняет синтаксическую организацию и понятийную структуру русскоязычного законодательного текста. Данные различия приводят к неодинаковой степени эквивалентности текста-перевода. Установлено также, что ключевую интерпретационную нагрузку несут собственно-юридические и социально-этнографические термины, которые обладают культурно-правовой спецификой и не имеют прямых эквивалентов в англоязычной правовой системе. Полученные результаты позволяют рассматривать цифровой перевод юридического дискурса как интерпретационный процесс, который порождает варианты вторичного текста и требует обязательного контроля со стороны экспертов при дальнейшем использовании в нормативно-, международно-правовой практике.

Ключевые слова: цифровой перевод, юридический текст, вариативность, юридический термин.

Digital Translation of Legal Discourse: on the Problem of Searching for Variability Factors

A. G. Deryabin

Kemerovo State University

6 Krasnaya St., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: artemdin7@yandex.ru

This article examines various translations of legislative discourse produced by digital translators. The topicality of the study derives from the active introduction of artificial intelligence into the work of translators and law enforcement, as well as the contradiction between the multitude of translation options generated by digital translators and the requirement for unambiguous legal meaning. The aim of the study is to identify the factors that influence the variability of target texts when translating legally marked units. The material for the study was provided by Article 1 of the Federal Law "On Guarantees of the Rights of Indigenous Numerically Small Peoples of the Russian Federation." The subject of the study is the translations performed by the DeepSeek and ChatGPT artificial intelligence programs, as well as the variable linguistic units and syntactic constructions used in the translated texts and the factors determining this phenomenon. The study found that the variability of translations performed by artificial intelligence programs (digital translators) is due to the combined influence of algorithmic, syntactic, lexical-terminological, and cultural-legal factors. It was revealed that artificial intelligence programs use

different translation strategies. ChatGPT adapts the source text to English-language legislative discourse using techniques of explication, terminological normalization, and syntactic restructuring. DeepSeek focuses on a literal-structural approach to translation, which preserves the syntactic organization and conceptual structure of the Russian-language legislative text. These differences lead to varying degrees of equivalence between the source text and the translation. It has also been established that the key interpretative demand is met by legal and socio-ethnographic terms, which have cultural and legal specificity and have no direct equivalents in the English-language legal system. The results obtained allow us to consider the digital translation of legal discourse as an interpretative process that generates variants of the target text and requires mandatory control by experts for further use in regulatory and international legal practice.

Key words: digital translation, legal text, variability, legal term.

Введение

В современных условиях цифровизации машинный перевод все чаще востребован при работе с нормативно-правовыми текстами. Юридический текст представляет собой материал с высокой степенью формально-смысловой организованности, ориентацией на однозначную интерпретацию и нормативной закрепленностью значений. Анализ цифровых переводов показывает, что при сохранении формальной стабильности оригинального (исходного) текста наблюдается множественная вариативность его переводных версий, что, в свою очередь, создает противоречие между единственностью нормативного юридического смысла и вариативной множественностью созданных цифровыми переводчиками вторичных текстов, которые различаются не только формальными, но и содержательными характеристиками, что может спровоцировать правоприменительные коллизии.

Настоящее исследование выполнено в русле юридической лингвистики, интерпретационной и компьютерной лингвистики, деривационной вариантологии и переводоведения и является продолжением наших разработок, направленных на выявление факторов вариативности переводов текстов разных жанров [Ким, Дерябин 2025]. Важными для нас являются теоретические положения, согласно которым перевод включается в парадигму вариантологии: переводной текст является вариантом переводимого текста [Голев 2023: 97]. Согласно разрабатываемой Н. Д. Голевым теории вариантологии, «переводы исходных единиц продуцируют их вторичные варианты и дают возможность изучать вариантообразующий потенциал исходных единиц естественного языка с точки зрения их переводимости с дальнейшей проекцией результатов такого изучения на свойства вариантов и их типологию, на взаимоотношения членов вариантных рядов, в том числе с точки зрения предела их варьирования» [Голев 2023: 97]. Важным теоретическим основанием для анализа цифрового перевода юридического дискурса является концепция вариативности, которая трактуется в современной лингвистике как имманентное и нормативное свойство языковой системы. В рамках лингвистической вариантологии она рассматривается как на уровне отдельных языковых единиц, так и на уровне текста, выступающего как целостность коммуникативного образования [Голев, Ким 2009].

Цель исследования – выявить факторы, которые влияют на вариативность вторичных (переводных) текстов, посредством анализа результатов перевода программ искусственного интеллект (ИИ) ChatGPT и DeepSeek. **Гипотеза исследования** состоит в предположении о том, что вариативность цифровых переводов юридического дискурса как его цифровая интерпретация обусловлена воздействием лексико-терминологических, синтаксических, культурно-правовых и алгоритмических факторов.

В современном переводоведении перевод трактуется как сложный когнитивно-коммуникативный процесс, который выходит за рамки простой языковой подстановки. По В. Н. Комиссарову, «в переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки» [Комиссаров 2002: 23].

Современные технологии совершили революцию в переводческой практике и активно эволюционируют, изменяя как восприятие перевода пользователями, так и концептуализацию перевода производителями и теоретиками. Они развивают переводческую деятельность и переводческий рынок, а также предоставляют получателям перевода новые возможности для коммуникации и получения информации [Озюменко 2024].

Цифровой перевод – это новый вид перевода, представляющий собой «систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности» [Гарбовский 2019: 10]. В новых условиях происходит изменение характера взаимодействия человека и ИИ, что неизбежно улучшает результат переводческой деятельности. Иными словами, цифровой, или дигитальный, перевод является по сути переводом, выполненным ИИ. Таким образом, на современном этапе развития переводоведения существуют два основных вида перевода – перевод, осуществленный переводчиком-человеком, и перевод, выполненный искусственным интеллектом. При традиционном переводе переводчик-человек бережно относится к каждому новому значению слова, метафоре или герундиальному обороту. Точность исполнения цифрового перевода обусловлена алгоритмом, разработанным человеком и заложенным в работу ИИ [Миньяр-Белоручева 2023]. Искусственные нейронные сети, как и мозг человека, способны создавать довольно сложные понятия из разных частей информации, выстроенной на основе иерархии. «Современный термин "глубокое обучение" выходит за рамки нейробиологического взгляда на модели машинного обучения. В нем заложен более общий принцип обучения нескольких уровней композиции, применимый к системам машинного обучения, не обязательно устроенным по примеру нейронов» (здесь и далее перевод наш – А. Г.) [Goodfellow et al. 2018: 32]. Обработка естественного языка (англ. *natural language processing*) позволяет компьютерам понимать, интерпретировать, генерировать и преобразовывать текст. Современные передовые модели, такие как

GPT-4o от OpenAI, Claude 3.5 от Anthropic и Gemini от Google, способны генерировать беглый и связный текст и демонстрируют высокий уровень понимания языка [Yolanda 2025].

Современные системы ИИ способны обрабатывать большие корпуса текстов с высокой скоростью, учитывать контекст фраз, что позволяет исключить ошибки в переводе. Однако эти системы все еще имеют значительные ограничения, например, допускают контекстуальные ошибки, чаще всего при переводе многозначных слов или фраз [Ермолаева 2020]. При переводе языковых единиц, которые отражают специфические правовые, национальные и культурные особенности исходного законодательства, алгоритмы ИИ нередко испытывают затруднения при переводе терминов и конструкций юридического дискурса.

Законодательные тексты представляют собой уникальный тип институционального дискурса, к которому принято предъявлять повышенные требования точности, однозначности и функциональной эквивалентности перевода. Согласно Б. Г. Вульфович, юридический дискурс принадлежит к институциональным дискурсам, организующим и регуливающим социальные отношения в обществе. Это значит, что формально и функционально он организуется в соответствии с социальной практикой и социальными ролями участников – автора и адресата этого вида дискурса [Вульфович, Дедюхина, Зиньковская и др. 2022]. Юридический дискурс выполняет следующие функции: 1) прескриптивную, т. е. юридические высказывания имеют предписывающее свойство; 2) декларативную, которая соответствует констатации социального факта; 3) информативную, состоящую в доведении до адресата какого-либо социального факта; 4) аргументирующую, выражающуюся в приведении доводов в пользу той или иной позиции [Вульфович, Дедюхина, Зиньковская и др. 2022: 254].

Перевод юридических документов означает передачу правовой информации на одном языке и культуре на другой язык и культуру, учитывая различия в правовых системах и целях перевода [Дрогайцева 2021: 226]. М. Галдия трактует юридический перевод как «перевод текстов правового содержания, который представляет собой ориентированный на адресата специализированный вид переводческой деятельности, основанный на использовании языка для достижения юридических целей, и в контексте права» [Galdia 2013].

Юридический текст как объект перевода обладает определенными стилистико-языковыми характеристиками, включая следующие: 1) тавтологическая когезия, состоящая в повторе одного и того же существительного (термина) в стоящих рядом предложениях [Алексеева 2001]; 2) преобладание форм глаголов в форме настоящего времени и пассивных конструкций, обеспечивающее объективность преподнесения правовой информации и возможность обобщать высказывания [Алексеева 2001]; 3) использование глаголов с модальным значением, что позволяет юридическому тексту выполнять предписывающую функцию [Ангар 2023]; 4) неприемлемость сослагательного наклонения, которое выражает желательность, сомнение, предположение или допущение; правовой текст по своей природе императивен и предусматривает употребление соответствующих языковых средств, однако собственно императивные формы глагола не употребляются, вместо них используются варианты типа *признается*, *предписывается*, *сохраняется* и так далее [Голев 2006]; 5) широкое использование синтаксических структур со значением причины и условия [Исаков 2000]; 6) отсутствие компрессивности (каких-либо сокращений, цифровых обозначений и так далее) за исключением общепринятых форм [Киндеркнехт 2015]; 7) общая эмоциональная нейтральность языка [Алексеева 2001].

Методы и материалы

Исследование выполнено на материале фрагментов статьи 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [О гарантиях прав... URL]. Выбор дискурсивного материала обусловлен его повышенной лексико-семантической и синтаксической сложностью и выраженной культурно-правовой спецификой. Выбранные нами фрагменты переведены на английский язык с использованием нейронных программ DeepSeek и ChatGPT, которые позволяют проанализировать различные стратегии интерпретации юридического дискурса и выявить «точки напряженности» исходного текста, влияющие на алгоритмы переводческих решений ИИ.

При исследовании материала применяется комплекс методов. Контент-анализ позволяет выявить структурно-языковые и лексико-семантические характеристики исходного текста; интен-анализ ориентирован на реконструкцию институциональной коммуникативной направленности законодательного текста и выявление реализуемых в нем модусных значений. Использование сравнительного анализа выполняет функцию инструмента сопоставления смысловой и формальной организации текста-оригинала и его переводных версий, которые были получены в результате машинного перевода.

Указанные программы (платформы) ИИ интерпретируют фрагменты статей Федерального закона при введении специальной команды PROMT (промт): «*Ты – профессиональный переводчик юридических текстов. Задание – перевести статью 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» с русского языка на английский. Учитывай все национально-культурные и правовые особенности Российской Федерации.*».

Результаты и обсуждения

Статья 1 «Основные понятия» содержит 264 лексические единицы. Из них 78 слов составляют собственно-юридические термины (29,5%), 64 слова относятся к юрико-административной лексике (24,2%), 86 слов определяются как социально-этнографическая терминология (32,6%). Количество общезыковой нейтральной лексики фиксируется на уровне 36 слов (13,7%).

Как показывают результаты анализа данных, в тексте статьи Федерального закона используется 101 лексическая единица, потенциально представляющая трудности для алгоритмов при переводе на английский язык. Наиболее частотными являются юридические термины, наименее частотными – общезыковая нейтральная лексика. Подобные

нормативно-правовые термины могут иметь несколько вариантов перевода, которые предлагаются как человеком, так и ИИ. Соответственно, увеличение количества рассматриваемых лексических единиц, создающих «точки напряженности», коррелирует с ростом числа потенциальных вариантов перевода, что свидетельствует о повышении различных вариантов интерпретаций. Далее мы предлагаем переводы статьи Федерального закона, выполненные цифровыми переводчиками, где жирным шрифтом отмечены различающиеся фрагменты.

Перевод ChatGPT (переводчик 1):

Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian Federation (hereinafter referred to as small-numbered peoples) – peoples **who reside** in the territories of the traditional settlement of their ancestors, preserve traditional ways of life, economic activities, and traditional occupations, number fewer than 50,000 persons within the Russian Federation, and recognize themselves as distinct ethnic communities;

Traditional way of life of small-numbered peoples (hereinafter referred to as traditional way of life) – a **historically established means** of sustaining life of small-numbered peoples, **based on** the historical experience of their ancestors in the field of **nature use**, distinctive social organization of residence, distinctive culture, and the preservation of customs and beliefs;

Primordial habitat of small-numbered peoples – a **historically established** area within which small-numbered peoples carry out their cultural and everyday life activities and which influences their self-identification and way of life;

Communities and other forms of public self-government (hereinafter referred to as communities of small-numbered peoples) – forms of self-organization of persons belonging to small-numbered peoples, **united on** the basis of blood-kinship (family, clan) and/or territorial-neighborhood principles, **established for** the purpose of protecting their primordial habitat and preserving and developing traditional ways of life, economic activities, **traditional occupations**, and culture;

Authorized representatives of small-numbered peoples – natural persons or organizations that, in accordance with the legislation of the Russian Federation, represent the interests of these peoples;

Ethnological expert examination — a scientific study of the impact of changes in the primordial habitat of small-numbered peoples and in the socio-cultural situation on the development of an ethnos.

Перевод DeepSeek (переводчик 2):

Indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation (hereinafter – small-numbered peoples) – peoples **residing** in the territories of traditional settlement of their ancestors, **preserving** their traditional way of life, economic activities, and crafts, numbering less than 50 thousand persons within the Russian Federation, and identifying themselves as distinct ethnic communities;

Traditional way of life of small-numbered peoples (hereinafter – traditional way of life) – a **historically established** means of sustenance of small-numbered peoples, **based on** the historical experience of their ancestors in the sphere of **environmental management**, a distinct social organization of habitation, a distinct culture, and the preservation of customs and beliefs;

Ancestral habitat of small-numbered peoples – a **historically established** area within which small-numbered peoples carry out their cultural and everyday life activities and which influences their self-identification and way of life;

Communities and other forms of public self-government (hereinafter – communities of small-numbered peoples) – forms of self-organization of persons **belonging to** small-numbered peoples and united on the basis of kinship (family, clan) and/or territorial-neighborhood principles, **established for** the purpose of protecting their ancestral habitat, **preserving and developing** their traditional way of life, economic activities, **crafts**, and culture;

Authorized representatives of small-numbered peoples – individuals or organizations which, in accordance with the legislation of the Russian Federation, represent the interests of these peoples;

Ethnological expertise – a scientific study **assessing** the impact of changes in the ancestral habitat of small-numbered peoples and the socio-cultural situation on the development of an ethnic group.

Сравнительный анализ двух переводных вариантов текста показал, что ChatGPT ориентирован на англоязычную правовую традицию (т. н. *legislative English*), склонен к экспликации и нормализации формулировок. Представленный ИИ использует устоявшиеся клише международных правовых документов, а также иногда делает перевод стилистически более «юридически корректным» для англоязычной правовой системы, но это достигается за счет частичного смещения оригинального смысла и объема самих понятий. DeepSeek использует буквально-структурный перевод, максимально сохраняет синтаксис и понятийность исходного текста. ИИ следует логике русского законодательного определения, иногда переводной вариант звучит менее идиоматично для англоязычного права, но смысл не искажается, сохраняется эквивалентность.

При переводе **лексических единиц** можно отметить следующие различия. Термин *коренные малочисленные народы* ИИ переводят как *Indigeneous*, что является корректным вариантом, но ChatGPT капитализирует термин, что придает ему статус определенного юридического термина (*defined legal term*), что является типичным для общего права (*common law*). DeepSeek использует строчные буквы, что приближает к кальке. *Промыслы* переводчик 1 интерпретирует как *traditional occupations*, что является более широким и юридическим понятием. Переводчик 2 при переводе использует *crafts*, тем самым сужая значение, в результате утрачивается охота, рыболовство и т. п. *Исконная среда обитания* переводится как *primordial habitat* и *ancestral habitat*. Первый вариант редко используется в праве, а второй вариант является устоявшимся термином в документе ООН (*UNDRIP*). Переводчик 1 при интерпретации лексической единицы *природопользование* использует *nature use*, а переводчик 2 – *environmental management*. Первый вариант представляет из себя кальку, что является не идиоматичным вариантом для перевода, а второй вариант перевода – это нормативно устоявшийся термин. *Этнологическая экспертиза* интерпретируется как

ethnological expert examination и *ethnological expertise*. Первый вариант перевод звучит «тяжело» и калькируется с русского слова «экспертиза», а второй вариант является стандартным юридико-научным термином.

Говоря о **синтаксической структуре** вторичных текстов, следует отметить, что ChatGPT перестраивает фразы под английский дефиниционный канон, использует логическое членение и однородные ряды и вводит дополнительные связи, которые отсутствуют в исходном тексте статьи. DeepSeek почти полностью сохраняет иерархию членов предложения как в русском языке, использует последовательное нанизывание атрибутов и часто «перегружает» предложение для англоязычного реципиента. Использованные причастные конструкции по типу *народы, проживающие..., сохраняющие..., насчитывающие..., осознающие...* ChatGPT интерпретирует через относительные придаточные предложения (*relative clauses*), DeepSeek сохраняет причастную цепочку через *-ing* формы.

DeepSeek превосходит ChatGPT в точности перевода юридической терминологии и юридико-антропологической корректности, если дело касается международных документов. ChatGPT больше подходит для адаптации под англоязычный правовой дискурс, иногда ИИ «жертвует» точностью ради стилистической «гладкости».

Заключение

Анализ цифровых переводов фрагментов статей Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», которые были выполнены программами ИИ ChatGPT и DeepSeek, показывает, что вариативность вторичных текстов создается на уровне юридической терминологии и синтаксической организации дефиниций. Собственно-юридические и социально-этнографические термины, которые обладают культурно-правовой спецификой и не имеют прямых эквивалентов в англоязычном правовом поле, вызывают наибольшие трудности для алгоритмов ИИ.

ChatGPT реализует стратегию нормативной адаптации вторичного текста к англоязычному законодательному дискурсу, перестраивая синтаксис исходных дефиниций в соответствии с каноном английских дефиниций, в частности, используется экспликация и клише (англоязычная правовая традиция) и нормализуется терминология. Выбор данной стратегии перевода обеспечивает стилистическую связность и корректность перевода для англоязычного читателя, однако в ряде случаев это может привести к семантическим сдвигам, которые выражаются в расширении, сужении или переосмыслении объема исходных понятий. DeepSeek, напротив, ориентируется на буквально-структурный принцип перевода, при этом сохраняя иерархию членов предложения, цепочки причастий и понятийную структуру русскоязычного законодательного текста. Выбор данного принципа позволяет точно передать юридический и этнокультурный смысл дефиниций исходного текста, в который включены термины *environmental management* и другие. Однако перевод становится менее идиоматичным и более «тяжелым» для восприятия в контексте англоязычного правового дискурса.

Проведенное исследование позволяет определить, в какой степени сохраняются основные характеристики юридического дискурса во вторичных (переводных) текстах. Анализ двух текстов-переводов демонстрирует, что обе программы ИИ распознают специфику юридического документа, используя различные способы ее репрезентации.

ChatGPT ориентируется на англоязычный законодательный канон, обеспечивает логическую связность, нормативность модального текста и дефиниционность. При этом в отдельных случаях терминология и адаптационная перестройка синтаксической части приводят к смещению количества исходных понятий. DeepSeek стремится к сохранению формально-смысловой организации исходного текста, куда включены полные дефиниции и синтаксическая иерархия, что, в свою очередь, дает повышение точности перевода, но снижает его идиоматичность. Из этого следует, что цифровой перевод юридического дискурса носит интерпретационный характер. Вариативность вторичных (переводных) текстов обусловлена несоответствием приоритетов между структурно-смысловой эквивалентностью и функциональной адаптацией.

Таким образом, различия между переводами обусловлены различными приоритетами интерпретационной деятельности: во-первых, алгоритмы ориентируются на функциональную эквивалентность и правовую адаптацию; во-вторых, на структурную и смысловую эквивалентность; в-третьих, цифровой перевод актуализирует интерпретационную вариативность, где он выступает самостоятельным фактором формирования вторичных текстов. Полученные результаты позволяют ввести понятие «точки напряженности» исходного текста, которые понимаются как зоны наибольшей интерпретационной сложности. Установлено, что их виды и количество прямо коррелирует с ростом вариативностей вторичных текстов, так как такие зоны по-разному интерпретируются алгоритмами ИИ.

Литература

Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учеб. пособие. СПб., 2001.

Ангар Р. П. Юридический перевод как особый вид перевода / Актуальные вопросы современной науки. Уфа, 2023. – С. 19-25.

Гарбовский Н. К. Интеллект в цифровом переводе: искусственный или искусный? / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2019. – № 4. – С. 3-23.

Голев Н. Д. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) / Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 27(165). – С. 12-20.

Голев Н. Д. Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) / Научный диалог. – 2023. – Т. 12. –

№ 8. – С. 86-125.

- Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка / Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул, 2006. С. 6-37.
- Дрогайцева В. В. Проблемы перевода юридической терминологии в межкультурной коммуникации / Профессиональная коммуникация в поликультурном мире: образование, наука, технологии. Орел, 2021. С. 225-231.
- Ермолаева А. А. Полисемия в контексте нейронного машинного перевода / Молодой ученый. – 2020. – № 32. – С. 175-177.
- Исаков В. Б. Язык права / Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. – С. 65-80.
- Ким Л. Г., Дерябин А. Г. Перевод в эпоху искусственного интеллекта: маркирующие признаки машинного перевода публицистического текста / Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4. – № 2. – С. 103-114.
- Киндеркнехт А. С. Особенности перевода юридических текстов / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 123-127.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М., 2002.
- Миньяр-Белоручева А. П. Особенности цифрового перевода аббревиатур в сфере связей с общественностью / Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 80-92.
- О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778>.
- Вульфович Б. Г., Дедюхина А. Г., Зиньковская А. В. [и др.]. Язык и социум: динамика взаимоотношений. Краснодар, 2022.
- Galdia M. Strategies and tools for legal translation. *Comparative Legilinguistics*. – 2013. – Vol. 16. – Pp. 77-94.
- Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. *Deep Learning*. 2nd ed. Moscow, 2018.
- Yolanda G., Raymond P., Chapter 2: Technical Performance / *Artificial Intelligence Index Report 2025*. - 2025. - №8. - P. 457.

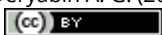
References

- Alekseeva, I. S. (2001). Professional training of a translator. St. Petersburg (in Russian).
- Angar, R. P. (2023). Legal translation as a special type of translation. In *Actual issues of modern science: Proceedings of the II International scientific and practical conference (Part 2, pp. 19–25)*. Ufa (in Russian).
- Garbovsky, N. K., Kostikova, O. I. (2019). Intelligence in digital translation: artificial or artful? *Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation*, 4, 3–23 (in Russian).
- Golev, N. D., Kim, L. G. (2009). Variative and interpretative functioning of the text (on expanding the boundaries of linguistic variation studies). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 27(165), 12–20 (in Russian).
- Golev, N. D. (2023). Macromodelling of linguistic variation: toward expanding the boundaries of linguistic variation studies. *Scientific Dialogue*, 12(8), 86–125 (in Russian).
- Golev, N. D. (2006). Legal communication through the prism of natural language. In *Jurislinguistics-7: Language as a phenomenon of legal communication*. Barnaul, 6–37 (in Russian).
- Drogaitseva, V. V., Kosheleva, S. V. (2021). Problems of legal terminology translation in intercultural communication. In *Professional communication in a multicultural world*. Orel, 225–231 (in Russian).
- Ermolaeva, A. A. (2020). Polysemy in the context of neural machine translation. *Young Scientist*, 32, 175–177 (in Russian).
- Isakov, V. B. (2000). The language of law. In *Jurislinguistics-2: The Russian language in its natural and legal existence*. Barnaul, 65–80 (in Russian).
- Kim, L. G., Deryabin, A. G. (2025). Translation in the era of artificial intelligence: markers of machine translation in journalistic texts. *Virtual Communication and Social Networks*, 4(2), 103–114 (in Russian).
- Kinderknecht, A. S. (2015). Peculiarities of legal text translation. *Scientific Notes of Orel State University. Humanities and Social Sciences Series*, 5, 123–127 (in Russian).
- Komissarov, V. N. (2002). *Modern translation studies*. Moscow (in Russian).
- Minyar-Beloruicheva, A. P., Sergienko, P. I. (2023). Features of digital translation of abbreviations in public relations. *Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation*, 16(1), 80–92 (in Russian).
- On guarantees of the rights of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation. (n.d.). Available from: www.kremlin.ru (in Russian).
- Vulfovich, B. G., Dedyukhina, A. G., Zinkovskaya, A. V., et al. (2022). *Language and society: dynamics of interaction*. Krasnodar (in Russian).
- Galdia, M. (2013). Strategies and tools for legal translation. *Comparative Legilinguistics*, 16, 77–94.
- Goodfellow, I., Bengio, Y., Courville, A. (2018). *Deep learning* (2nd ed.). Moscow.
- Yolanda, G., Raymond, P. (2025). Technical performance. In *Artificial Intelligence Index Report 2025 (Vol. 8, pp. 457)*.

Citation:

Дерябин А. Г. Цифровой перевод юридического дискурса: к проблеме поиска факторов вариативности // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 6-11.

Deryabin A. G. (2026) Digital Translation of Legal Discourse: on the Problem of Searching for Variability Factors. *Legal Linguistics*, 40, 6-11.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License